

Ирина Аркадьевна Малкова (Коновалова) :

В июне 1941-го мы с мамой, Верой, Сережей и няней отдыхали на даче под Лугой, в 100 километрах от Ленинграда. Чудесные места: леса, чистый воздух, речка... И хорошее сообщение с Ленинградом – наша дача располагалась как раз между шоссе и железнодорожными мостами. Вокруг было очень много детских лагерей. Мы же снимали комнату в двухэтажном доме – на первом этаже, а на втором жили хозяева. Там я и услышала речь Молотова о том, что фашистская Германия напала на Советский Союз. Тогда никто не думал, что это затянется на четыре года... В один из первых дней войны мы с родителями возвращались откуда-то по шоссе. Навстречу нам колонна танков – на фронт. Люки были открыты. Над ними, в полный рост, командиры. Бравые, уверенные в скорой победе. А рядом, как и мы, шли ребята из пионерского лагеря с букетами полевых цветов в руках. И бросали эти цветы на танковую броню... Таким мне запомнилось начало войны.

Через неделю папу вызвали в Ленинград. Он поселился на своей фабрике. Велел вернуться в город и нам. Помню Финляндский вокзал, на который мы приехали из Луги. Знаменитый памятник Ленину на броневике был укрыт мешками с песком.

Вернулись мы вовремя... Буквально на другой день немцы бомбили мосты под Лугой, чтобы прервать сообщение с Ленинградом. Это место стало впоследствии известно как Лужский рубеж.

Какое-то время мы жили все вместе в Ленинграде. Когда у нас гостила мамина сестра тетя Надя с мужем, известным ивановским архитектором Николаем Кадниковым, она предлагала забрать нас, детей, в Иваново. Папа был против, говорил, что война быстро кончится, прямо на границе. В то время Ленинград ещё не бомбили. Только летали немецкие разведчики, и в городе постоянно объявлялись воздушные тревоги. А когда ситуация стала по-настоящему тяжелой, мы с мамой и близнецами все-таки уехали в Иваново. В каких-то теплушках. Добирались неделю, потому что постоянно пропускали встречные, идущие на фронт, составы. Высадили нас где-то в районе «Красной Талки». Нас встретила мама отца. Помню, как на санках везли Веру и Сережу, а я рядом шла пешком. Жили сначала у родителей папы, а потом у родителей мамы на Пролетарской... Учиться я начинала в Ленинграде, а в Иваново сначала пошла в школу, которая располагалась за Белой церковью. Потом ее отдали под госпиталь, и мы перешли на какую-то

квартиру на улице Суворова. Каждый день нам давали на обед маленькую булочку. Там я училась до четвертого класса.

Самую тяжелую блокадную зиму папа трудился в Ленинграде: «все для фронта, все для победы»... Затем- тогда заместитель председателя Совета по эвакуации при Совете народных комиссаров (СНК) СССР - Алексей Николаевич Косыгин направил папу на организацию работы на «Дороге жизни». Там отец руководил эвакуацией ленинградских производственных предприятий через Ладогу в город Куйбышев. Из Куйбышева он приехал к нам в Иваново. Выглядел он страшно: худой, спина согнута почти под прямым углом... долгое время он не мог выпрямиться. О житье в блокаду не рассказывал до конца жизни, настолько было тяжело и страшно. Из Иванова папу направили работать на фабрику «Коммунар» в Комсомольске. Мы переехали туда всей семьей. В Комсомольске я училась в четвертом, пятом и шестом классах. Одна ходила в школу в село Миловское, это в трех километрах от фабрики, на территории которой мы жили. Зимой дорогу, шедшую через поле, заметало так, что добраться можно было только по столбам. Завели огород. Как-то раз папа принес за пазухой маленькую козочку, которую мы называли Белочкой. Она выросла и превратилась в большую козу с длинными рогами, которая давала очень вкусное молоко. Ивановские родственники приезжали к нам и меняли вещи на еду у соседей-колхозников. А ещё в Комсомольске умер от дифтерита мой братишка Сережа... В местной больнице не оказалось нужного лекарства, а в Иваново его перевезти не успели... Мама очень тяжело перенесла этот удар...